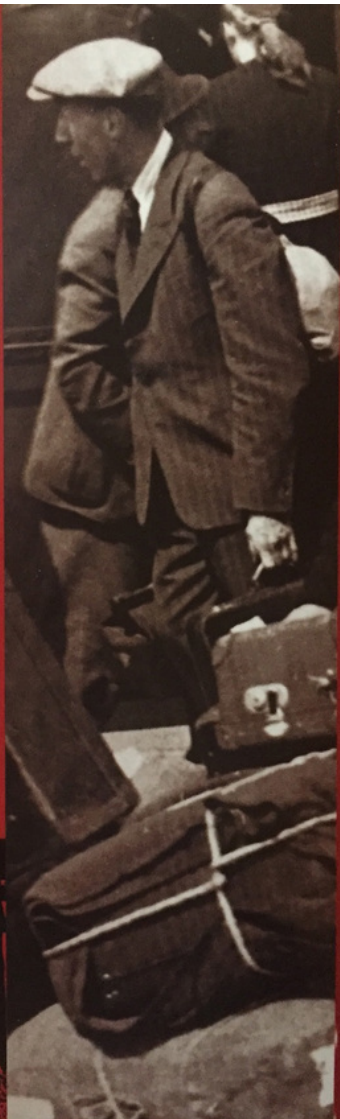

Ю.С. Грачев

В ИРОДОВОЙ БЕЗДНЕ

Юрий Сергеевич Грачёв

В Иродовой бездне. Книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9467421

Благовестник;
ISBN 3-934583-05-9

Аннотация

Произведение Юрия Грачева повествует о жизни евангельских общин на Волге в 20-е годы, когда еще громко звучала проповедь вечного Евангелия, о последующем периоде гонений на Божью Церковь и жестоких, противозаконных репрессий против верующих, о переживаниях и надеждах простых людей – таких, как герой повести Лёва Смирнский, которых атеистическая власть пыталась стереть с лица земли.

Это произведение имеет второе неофициальное название – «Христианский архипелаг ГУЛаг». Автор на протяжении своей жизни несколько раз был осужден по советским законам за проповедь Евангелия. Роман написан на основе реальных фактов собственной биографии.

Содержание

Предисловие	4
Часть 3	7
Глава 1. Шиткинский узник	7
Глава 2. По каталажкам	18
Глава 3. Любовь отца и детей его	24
Глава 4. Есть ли Бог? Нужна ли Вера?	34
Глава 5. По дороге испытаний	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ю.С. Грачев

В Иродовой Бездне

Воспоминания о пережитом

(книга 2)

Предисловие

«Испытали... также узы и темницы»
Евр. 11, 36

Во второй книге автор продолжает знакомить читателя с жизнью верующего молодого человека. Вы встретитесь с Левой Смирнским, вступившим в девятнадцатый год своей жизни, а расстанетесь уже со взрослым, двадцатидвухлетним молодым человеком.

Герой этой книги жил и формировался, когда строилась послереволюционная Россия. Он, как и большая часть молодежи страны, родился в трудовой семье, учился в советской школе. Но в отличие от основной массы свои сверстников вырос в верующей семье 20-ые годы. На все юные души в эту пору в той или иной степени действовали влияния религиозные и антирелигиозные. Одни, вырастая, становились атеистами, а другие – верующими. Не был исключением и Ле-

ва: он сделал свой выбор, осознанно став христианином. Всю свою дальнейшую жизнь наш герой стремился поступать по Вечной Книге, с помощью которой еще в юности он нашел то, что и по прошествии многих лет осталось для него самой величайшей ценностью.

Пусть отрицающие Христа не скажут: какое мракобесие! Но терпеливо и беспристрастно постараются проанализировать все то, чем жил Лева. Ибо для него служение Христу определило его судьбу, сформировало его жизненные приоритеты, Всю жизнь Левою двигало стремление помочь ближнему, неустанно творить добро.

Несколько слов о жанре книги. Он непривычен. С одной стороны, это художественный вымысел, и в этом смысле Лево Смирнский – типично художественный образ. С другой – для нее характерна некоторая степень автобиографичности. Не случайно ей дан подзаголовок – Воспоминания о пережитом. Это то дорогое, что хранится в сердце, когда в жизни уже все испытано, осмотрено. Когда человек, близясь к закату определяет, взвешивает все ценности и делает окончательные выводы о самом важном в жизни.

Книга адресована людям всех возрастов. Да благословит Бог каждого человека, раскрывающего эти страницы, получить для себя и окружающих полезные уроки и понять, что наше сознание определяется не только земным бытом, но и небесным бытием, которое, как чудное солнце, влияет на жизнь людей, стремящихся к свету и добру.

Ю. С. Грачев. Куйбышев, 1970 г.

Часть 3

Девятнадцать лет

1931

Глава 1. Шиткинский узник

«...И се, Я с вами во все дни...»
Мтф. 28:20

– Когда мы тебя обыскивали, я думал, что непременно найду оружие, – сказал человек в черном полушубке, сурово глядя на Леву. – Разворачиваю твою подстилку, щупаю, да, действительно, что-то есть. Ну, думаю, нашел! Вытаскиваю... коробку зубного порошка.

Лева посмотрел на говорившего и улыбнулся:

– Оружие вы все-таки у меня нашли и отобрали. Но оно вам не опасно. Отдайте его мне.

– Какое оружие? – удивился человек в полушубке.

– Вы взяли у меня Библию, духовное оружие верующих, чтобы противостоять злу и греху.

– Ну, Библию мы тебе не отдадим. Все твои бумаги и книгу направим в следственный отдел – там разберутся. Сейчас тебя увезут в село Шиткино: там уполномоченный ОГПУ,

он разберется, кто ты, и если не преступник, то вернет тебе книги и отпустит на все четыре стороны.

Пришел час расставания с дорогим братом, который вез Леву к берегам Ангары. В пути они были вместе недолго, но уже крепко полюбили друг друга, как действительные братья по Крови Христа.

– Лева, Лева, – вздыхал брат, обнимая арестованного, – чуется мое сердце, большие скорби ждут тебя. Но ты не унывай, не грусти, брат. Вот меня не арестовали вместе с тобой, а мне как-то грустно, хотя у меня семья. А так бы я поехал вместе с тобою. Но я тебе вот что скажу, Лева: Бог, в которого мы верим, Иисус Христос – Он пойдет с тобою. Он ни на минуточку не оставит тебя, верь, – поддержит, утешит, защитит;

– Верю, верю, – сказал в ответ Лева.

Подали подводу. Вооруженный охранник стал торопить Леву. Они сели в сани. Лошадь тронулась. Вдруг брат, грустно смотревший на отъезжающего, вновь бросился к нему, стал обнимать и что-то сунул ему в руки.

– Это хлеб, – сказал он громко. Конвоир на это не обратил внимания.

– А как же ты сам без него? – спросил Лева. – Ведь у тебя, я знаю, только одно это...

– Да, это самое дорогое, что я имел. Но я отдаю его тебе. Лева прижал к груди книгу. Это был Новый Завет карманного формата.

Бодро бежала лошадка. Взошедшее солнце золотило стволы вековых сосен. Морозный воздух, окружающая красота природы – все, казалось, бодрило, успокаивало. Лева чувствовал себя исключительно радостно. Ехал на страдание, в тюрьму, но в то же время какое-то особое чувство счастья наполняло душу. И причина тому – недавнее прощание с братом, его добрые слова ободрения, а главное – эта дорогая книга, которую пожертвовал ему брат. Все это говорило, что Лева окружен любовью Отца, Который готов помочь, поддержать во всем. «Везут к Шиткино, – думал Лева. – Интересно! Ведь в этой таежной деревне отбывал ссылку мой папа, и мне предстоит быть тоже в этом месте. Что хочет этим сказать Господь?»

Скрипели полозья саней по укатанной дороге. Возница подгонял лошадь. Поляны сменялись густой тайгой, но Лева словно не замечал окружающего. Он даже забыл, что арестант. Ему вспомнилось детство, родительский дом, любовь отца, матери... Да, он давно уже не видел материнской ласки, лишен всего домашнего. Но не сожаленье, не горе заполняют его душу. Он знал, что его родители давно уже передали его в распоряжение Отца Небесного, и этот Отец сильнее. Он более любящ, более заботлив, чем земной. Ведь в папе, в его любви к жизни отражался только частично Небесный Отец, а теперь он в руках этого Небесного великого Отца Бога, которого в массе своей люди не знают и не чтут. Поэтому-то они так несчастны, так злы. Поэтому одни взяли в узы

многих, другие же сковали цепи для себе подобных.

Вот и Шиткино – небольшое село, расположенное в тайге. Совсем близко от села они переехали замерзшую речку, которую, как сказал возница, здесь называют Ана.

– Откуда такое странное название? – спросил Лева.

– Да говорят, что когда-то чалдоны, основывая эти таежные места, называли реки по-разному. Ну, и этой тоже дано несколько имен, но больше она известна как Ана. Подъезжают к речке, спрашивают: «Это Ана?» Поселившиеся тут отвечают: «Ана. Ана». Вот так и закрепилось за ней такое название.

В Шиткине уполномоченный ОПТУ, посмотрев документы Левы, отнесся к нему очень приветливо и дружески расспросил, куда и как он едет. «Какой хороший человек!» – подумал про себя Лева и подробно рассказал ему, что он верующий, ехал на берег Ангары, чтобы навестить знакомого ему верующего, который был сослан в эти места.

– В этом ничего плохого нет и задерживать вас нет оснований, – сказал уполномоченный. – Но все-таки я должен о вас навести справки. Я сделаю запрос о вас в Красноярский сектор ОГПУ.

Сердце у Левы екнуло: ведь сто как раз там ищут!

– Ну пока вы мне разрешите, дав подписку, ждать ответа из Красноярска здесь, в Шиткине? – спросил Лева уполномоченного.

– Ну зачем же? Мы представим вам лучшие условия, –

произнес, улыбаясь, уполномоченный. Вы человек верующий, к мы направим вас в церковь. Молитесь там своему Богу и просите милости у Него.

Этот ответ уполномоченного был Леве непонятен, но, так или иначе, он поблагодарил уполномоченного. – Вам виднее, как лучше содержать меня, – сказал он представителю органов безопасности.

Действительно, стражник повел Леву к маленькой деревянной церквушке. Подойдя ближе к ней, Лева понял все... Церковь была огорожена колючей проволокой. У дверей стоял часовой. Церковь превратили в тюрьму. Дверь открылась, захлопнулась. Лева услышал звук задвигаемого засова и шелкание замка.

От внутреннего церковного убранства в православном храме ничего не осталось. На деревянном полу лежали двое. У двери стояла зловонная кадушка для оправления естественных надобностей. Когда Леву ввели, лежащие поднялись и подозвали его к себе.

– Коль устал, садись с нами рядом. Тут ни стульев, ни кроватей нет. Откуда? Кто ты? – спросил один из арестантов, пожилой бородатый старик.

Лева рассказал о себе.

– Значит, верующий, баптист, – сказал бородатый и, покачив головой, продолжил. – Сейчас сажают всех: и верующих, и неверующих, и богатых, и бедных, – ничего не поймешь...

Другой оживился и тоже вступил в разговор:

– Действительно, ничего не поймешь. Я вот вор, и неплохой вор. Лошадей, бывало, крал, и по тюрьмам хаживал. Ну, действительно, сидели спекулянты, убийцы всякие мошенники, а сейчас, погляжу: переполнены тюрьмы битком, мужичья полно всякого. А вот вора, как я, даже как-то меньше стало.

– А вы сами-то как сюда попали? – поинтересовался Лева.

– Да я как-то тут проезжал, украл кое-что в кооперативе. В Канске выпил с дружками. Ну, меня и прихватили и сюда на суд привезли.

– Что же, думаете – осудят? – спросил Лева,

– Конечно, осудят! – ответил вор. – У меня нашли товары, поймали с поличным. Да только меня это не беспокоит. Нам, вора́м, маленькие сроки дают, он быстренько пролетит – и опять свобода. А вот этому мужичью – и он ткнул пальцем в бородатого старика – контру дают, враг, мол, советской власти. Десять лет или вышку. Вот это да!

Потянулись дни заключения в церкви. Не потому, что уполномоченный посоветовал, а потому, что Лева не мог обходиться без молитвы, он усердно молился Богу из этого поруганного, оскверненного православного храма, куда народ, жаждущий света и облегчения, долгие годы, еще до революции, приходил со своими горестями и радостями и, как мог, как научен был, молился Богу. Здесь венчались молодые, отмечая начало новой жизни и прося у Бога благословения. Здесь отпевали покойников. Сюда приходили матери, вдо-

вы со своим горем и, крестясь, вздыхали перед Богом... И вот теперь это место, куда стремилась душа народа, облагораживаемая верой, было поругано, превращено в зловонную тюрьму.

Почему-то Леве вспомнился текст, и он, найдя его, прочел в Евангелии: «Когда увидите мерзость и запустение, стоящие на святом месте...» И невольно сформулировался вопрос: «Почему это русское православное священство, в руках которого была Библия, не отдало все жертвенно, чтобы просвещать народ, учить его добру, состраданию. Почему оно отверглось от истин апостольской Церкви, вело недостойную жизнь? А в результате многие потеряли веру, благоговение перед Богом. И вот теперь – мерзость и запустение...»

– А люди, которые сегодня находятся у власти, – размышлял далее Лева, – которые зовут к новой жизни, к строительству нового мира, почему они так увлекаются тюрьмами?

Леве вспомнилась песня, которую распевали в школе. Там были такие слова: «Церкви и тюрьмы сравняем с землей...» Что же получилось? Где же правда? Лева вспомнил своего отца. Это был честный, отдававший всю свою жизнь близким фельдшер, всегда работавший и содержавший большую семью. Лева никогда не слышал, чтобы он выражал какой-либо укор власти или был недоволен советским строем. Ни одного слова против правителей он не слышал от него. Активный работник профсоюзной организации, награжденный за многолетнюю трудовую деятельность званием Героя Труда... и

вдруг в одну ночь арест, обвинен в антисоветской агитации с целью свержения существующего строя, объявлен врагом народа... И не только он, но и целый ряд искренне верующих людей, верующей молодежи, о которой Лева знал точно, что они никакой политикой не занимаются, а только стремятся жить по Евангелию.

И вот теперь Лева, оглядываясь на пройденный им путь посещения ссыльных верующих, с которыми он встречался, беседовал, внимательно опрашивая каждого по составленной им анкете, видел массу людей – гонимых, поруганных, оторванных от семей, брошенных в тюрьмы, концентрационные лагеря, в далекие ссылки... И все эти люди были совершенно ни в чем не повинны. Почему? Почему это все происходит?

Времени для размышления было много. Открывая Евангелие, Лева читал слова Христа: «Меня гнали и вас будут гнать». Он читал дивные страницы из послания апостола Петра. Страницы эти отвечали ему на вопросы, почему и для чего надлежит христианам нести свой крест.

Временами к Лева приходили и другие мысли. Ведь он учился в советской школе, и учился неплохо. Они изучали общественные науки, политэкономии, и Лева знал, что по известному всем учению в основе лежит материальный мир, вопросы экономики. Они-то именно и определяют мораль и законы.

Леву учили, что когда был выгоден рабовладельческий

строй для господствующих, то процветало рабство. Когда строй этот в связи с развитием производительных сил стал экономически невыгоден, то рабство пало. Произошло это не потому, что люди стали добрее и поняли, что нехорошо брата-человека держать рабом, а потому, что это стало экономически нецелесообразно.

«Так и теперь, – думал Лева. – Нужно строить заводы, каналы, новые города, осваивать далекие глухие места, для этого нужна дешевая рабочая сила. И вот тысячи тысяч заключенных повсеместно строят за пайку хлеба, чтобы не умереть с голода». И общественные науки, которые он изучал, словно говорили ему: это прекратится лишь тогда, когда новые технические силы – машины – устранят надобность в этом массовом рабском труде. Лева гнал от себя эти мысли, он хотел верить по Писанию, что начальник (власть) есть Божий слуга, что во главе правительства стоят справедливые люди, которые должны наказывать только преступников и освобождать невинных. Не потому ли он, посещая ссыльных и заключенных, собирал по этому вопросу материалы, анализировал их, чтобы потом со всеми этими данными поехать в Москву, добиться свидания с Иосифом Виссарионовичем Сталиным и показать ему, сколько невинных людей страдает. И он разберется, и всех верующих выпустят, и молитвенные дома откроют, и все будут славить Бога и трудиться, как верные граждане. Ведь писал же Сталин о «головокружении от успехов», отмечая, что в некоторых местах церкви закрыва-

ют несправедливо.

– Да, если бы добаться, если бы рассказать, если бы узнали там, в верхах, что творится...

Лева молился, снова читал Евангелие и опять молился. На душе становилось спокойно, и он опять верил, что власть – это слуга Божий, который не напрасно носит меч. Ведь и сердцем фараона управлял Господь, чтобы показать славу Свою. Народ отпал от Бога, утопает в грехах, и Бог через власть допускает испытания. Церковь Христа также должна быть переплавлена, и эти скорби имеют великое значение для приготовления душ верующих к вечной жизни. Бог покажет, что никакими силами и ничем нельзя одолеть Церковь Христа – Его тело, что хотя бы ее похоронили и поставили гроб и вокруг него стражу – церковь оживет, как воскрес Сам Христос, и будет сиять вечно, как зажженный золотой светильник, во тьме греха и не верил. Так верил Лева, так он мыслил, и у него, как у христианина, не было никакой злобы, никакого неприязненного чувства к тем, которые оторвали его от отца, от семьи, которые причиняли столько горя многим миллионам семей, уничтожая их кормильцев. Лева нисколько не негодовал, что его арестовали, что уполномоченный посадил его в эту церковь. И он от чистого сердца присоединился к молитве Христа: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают».

Находясь в бывшей церкви, Лева беседовал с двумя заключенными, рассказывая им о Христе, о том, как Он учил

любить всех, прощать, как Он прощает грешников. Его слушали, задавали вопросы, но, увы, слова истины не доходили до их сердец. Они не покаяться.

Питались заключенные довольно скудно. Выдавалась пайка хлеба да кипятка, и потом еще через часового можно было заказывать за наличные деньги, которые в небольшом количестве были оставлены каждому, яйца и вареное мясо.

Через две недели Леву вызвали к уполномоченному ОГПУ. Он был хмур и совершенно неприветлив:

– Да, парень, ты, видно, непростой верующий, у тебя есть какие-то хвосты. Ну да это не мое дело. Мы обязаны отправить тебя в Красноярское ОГПУ, там разберутся...

Был вызван конвой, и Лева увидел, как конвоиру вручили большой, объемистый пакет в серой бумаге, запечатанный пятью печатями.

– А где моя Библия, мои бумаги? – спросил Лева уполномоченного.

– Все в этом пакете, – ответил тот.

Глава 2. По каталажкам

«Мы неизвестны, но нас узнают...»

2 Кор. 6:9

Во всяком селе при том или ином правительственном учреждении, например, при сельском совете, есть место, в которое никто не хочет попадать. В сибирских селах оно именуется каталажкой. Эти каталажки в народе еще называют сибиркой, блошницей, каменным мешком в тюрьме, арестантской при полиции. Это комната, приспособленная для содержания в ней арестантов. Чаще всего в ней содержатся местные жители, однако она служит также пересыльной тюрьмой для гонимых по этапам. Вот с подобными каталажками и пришлось познакомиться Леве, когда его везли через тайгу к железной дороге.

Сопровождали Леву от села до села стражники из крестьян, вооруженные винтовками. Все они смотрели на него какими-то недоумевающими глазами. Если до Шиткино охранник вез Леву довольно-таки безопасно, то теперь часовые смотрели за ним в оба. Они держали винтовку почти на изготовку, и при малейших поворотах Левы их пальцы тянулись к курку. Судя по тому, как переговаривался конвой с сельскими жителями, Лева убедился, что его везут, как какого-то важного преступника. Многие крестьяне, смотря на

него, громко говорили:

– Везут троцкиста, важного...

В некоторых селах посмотреть на «троцкиста» собирались целые толпы. Разговаривать с ним конвой никому не разрешал.

В каталажках было темно и холодно. Голод все время давал Лева знать о себе. Конвой был как-то особенно суров и покупать хлеб не разрешал.

– Вот приедешь на место, так накормят, – говорили Лева.

Однажды к вечеру подъехали к большому селу. Конвой сдал «преступника» председателю сельсовета. Тот вооружил старика – сторожа сельсовета винтовкой, и Лева заперли в каталажку, которая представляла из себя не что иное, как отдельную комнату при сельском совете. Около запертой двери уселся часовой с винтовкой – старик с седой бородой.

Только ушел председатель совета и другие работники, как любопытные направились к каталажке, заглядывая в волчок, чтобы посмотреть невиданного зверя – троцкиста. Часовой оказался не очень строгим и не возражал, когда его односельчане стали задавать заключенному вопросы.

– Что же вы, троцкисты, хотите? – спрашивали его. – Говорят, вы весь народ хотите голодом заморить.

Лева отвечал, что он совсем не троцкист и к политике никакого отношения не имеет.

– Да кто же ты, парень?

– А вот скажите, в вашем селе есть верующие, баптисты?

– Есть, есть, – сказал стоящий у волчка крестьянин,

– Так, вот, скажите им, что я брат их по вере.

– Брат их, – сказал разговаривающий. – Так неужто верующих стали тоже сажать? До сих пор в наших краях баптисты полной свободой пользовались.

Вечерело. Сторож отпер замок и подал заключенному краюху хлеба.

– На, ешь, это какая-то женщина принесла и сказала: «Передайте брату».

– А нельзя ли воды? – спросил Лева.

– А ты мне скажи, молодой человек, по правде – ты баптист или не баптист?

– Конечно, баптист, – ответил Лева. – Не курю, не пью, у тебя табака не прошу, стараюсь жить по Евангелию. Вот оно у меня...

И Лева открыл Евангелие.

Часовой отложил винтовку в сторону, совсем открыл дверь и сказал:

– Айда со мной чай пить!

Когда Лева прежде, чем начать есть, встал и поблагодарил Бога в молитве, старик оживился и сказал:

– Ну теперь вижу, что ты настоящий верующий. Бывал я у вас на молениях, хорошие люди...

Лева с большим аппетитом ел хлеб, запивал горячим чаем. Он сильно промерз: в каталажке было холодно, и чай был так приятен... Старик между тем продолжал рассказывать:

– Горька, моя жизнь, горька. Вот что значит – мы без Бога живем. Воспитал я трех сыновей, на ноги поставил, жена-то у меня умерла, А сыновьям я оказался не нужен: я к одному, я к другому – никто не принимает. Я уж и власти жаловался, и власти они не слушают. И пришлось мне на старости лет устроиться сторожем в сельсовет. Вот этим и кормлюсь.

– Да, жизнь без Бога, – ужасная жизнь, – сказал Лева. – Когда искры божественного гаснут в человеке, даже родителей не почитают.

– Верно, верно, – с грустью согласился с юношей старик.

– Так вы обратились бы к Богу и сами жили бы по – Божьи, – предложил Лева.

– Не могу, – ответил старик. – Вот курю и самогоночку люблю.

– Бог вас сделает новым человеком, посещайте собрания верующих, – посоветовал Лева.

Поели. Лева поблагодарил, помолился за старика и направился к себе, в каталажку.

– Стой! – окликнул его старик. – Знаешь что: там холодно, ты иди ложись спать в кабинет предсельсовета. Там есть диван, тепло, а я пойду домой ночевать. Винтовку спрячем вот сюда. В случае чего, ты будешь вроде сторожа в сельском Совете.

И сторож спокойно ушел ночевать домой, а Лева, поблагодарив за все Небесного Отца, так же спокойно расположился на диване и быстро и крепко заснул.

Утром он был разбужен страшными криками. Кричал председатель сельского Совета, кричали какие-то другие люди:

– Так его нет в каталажке! Утек, утек... И сторожа нет. Значит, убил его, куда-то затащил, а сам утек.

Из кабинета председателя сельсовета поспешно вышел Лева:

– Не беспокойтесь, не беспокойтесь, я здесь...

– Да что же это такое? Да как же это так? – воскликнул председатель.

– Все объясняется очень просто, – сказал Лева. – Я не какой-нибудь троцкист, партийный, я просто верующий, Евангельский христианин-баптист. Узнав, кто я такой, сторож и оставил меня, зная, что я ничего плохого не сделаю.

– Ах, вы баптист, – сказал председатель и сразу успокоился. А когда явился заспанный сторож, даже не стал упрекать старика за то, что тот оставил преступника без вооруженного конвоя.

В сельский совет стали стекаться люди. Слышно было, как кто-то зашел к председателю, расписался за документы арестованного и получил винтовку для того, чтобы сопроводить Леву дальше.

Арестованный юноша приветливо распрощался с председателем, с работниками сельсовета, пожал руку сторожу-охраннику, нахлобучил поглубже шапку, поднял воротник и вышел на морозный воздух. Там уже стояла подвода.

Он сел, конвоир вскинул винтовку...

Тронулись в путь.

– Господи, Ты знаешь, что ждет меня. Будь мне Отцом!..

Глава 3. Любовь отца и детей его

*«...Верен Бог, который не попустит вам быть
искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и
облегчение, так чтобы вы могли перенести».*

1 Кор. 10:13

Вот кончается улица. Дальше поле, потом тайга. Но неожиданно возница, ни слова не говоря, заворачивает в переулок, потом в другой, сворачивая с прямой дороги. Лева взглянул на конвоира. Тот дружелюбно улыбнулся. Подъехали к какому-то большому дому. Открылись ворота. Подвода въехала в большой двор.

– Брат, брат, дорогой! – кричали со всех сторон. Люди бежали к Левае, обнимали его.

– Что это, Господи? – подумал Лева. На глазах его заблестели слезы.

– Ты не беспокойся, отдохнешь, все, будет хорошо, – говорили ему.

– Братья, братья! О, как я рад! – Лева с удивлением оглядывался кругом. Конвоира с винтовкой не было, он куда-то ушел.

– Во-первых, баня, уже готова, вымоетесь, потом покушаете, а потом на собрание. Тут недавно был съезд братский, а мы со съезда с хором заехали сюда, и вас Господь как раз сюда направил.

– Это все Отец устроил! – сказал Лева. – Только Отцу Небесному такое под силу.

Леву выкупали в жаркой бане. Потом усадили за стол. Каких угощений только ни предлагали узнику! Особенно ему понравились вкусные пироги с толченой черемухой. За столом Лева рассказал о себе – о том, как Господь с юности спас его и он посвятил жизнь Ему.

– Мы слышали о твоём папе, – сказал один проповедник. – Он был сослан в село Шиткино. Где он теперь?

– Он продолжает отбывать ссылку в городе Енисейске, я его повидал, когда он был в Красноярске.

– Ну, а мама как у вас, не ропщет? Сколько у нее еще детей?

– Нет, не ропщет: она верная христианка. А детей на ее руках осталось четверо. Она работает портнихой на фабрике и содержит семью.

Сестры, братья кругом – родные... С большой любовью они смотрели на Леву. Худенький, с виду невзрачный, плохо одетый, он, казалось, не обладал ничем, что могло привлекать к нему чьи-либо взоры. Но он имел то, что не имели многие – звание узника Христа.

Лева пошел с верующими на собрание. Огромная изба была переполнена народом. Впереди сидели хористы и проповедники. Леву посадили на переднюю скамейку, перед столом, и перед ним положили пакет его дела, запечатанный пятью большими сургучными печатями. Там лежала его Биб-

лия. На пакете были сделаны большими буквами какие-то надписи, стояли номера. Осматривая пакет, Лева прочел про себя эти надписи. Вверху крупными буквами было начертано: «Совершенно секретно». Но Левино внимание более привлекла нижняя надпись: «За арестованным бдительный надзор».

Встали для молитвы. В горячей молитве Лева говорил:

– Отец Небесный, благодарю Тебя, что для Тебя нет ничего невозможного. Ты видишь, что я, Твое дитя, иду в испытание ради имени Твоего, и Ты для того, чтобы я его перенес, дал мне эту радость – быть на собрании Твоих детей. Господи, я благодарю, благодарю Тебя. Как Ты любишь!..

Со слезами молились братья и сестры, а потом хор пел гимн. Родные мелодии, родные напевы! Леве иногда казалось, что он уже не на земле.

Предоставили слово ему.

– Братья, сестры! – сказал он. – Эти кратковременные страдания – ничто по сравнению с тем, что ожидает нас. Я взят в узы, вы видите это, но я счастлив. Не бойтесь и вы страданий, не бойтесь ради Христа попасть в тюрьму. Все это пройдет, а там вечное, и не слышало то ухо, не видел то глаз, не приходило на ум человеку, что Господь приготовил для нас. Если не здесь, то там, в небесной отчизне, где нет слез и болезней, где нет тюрем и ссылок, а только живые реки и чудные пажити...

В своем слове пресвитер говорил Леве слова утешения и

ободрения на текст: «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» – (Откр. 2:10).

А потом встал хор. Брат регент обратился к юноше:
– Это для тебя, брат, споем, специально для тебя.

И они запели. Это было чудное, оказывающее глубокое впечатление стихотворение С. Я. Надсона:

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой.
Пусть неправда и зло полноправно царят
Над омытой слезами землей,
Пусть разбит и поруган святой идеал
И струится невинная кровь, —
Верь: настанет пора – и погибнет Ваал,
И вернется на землю любовь!
Не в терновом венце, не под гнетом цепей,
Не с крестом на согбенных плечах, —
В мир придет она в силе и славе своей,
С ярким светочем счастья в руках.
И не будет на свете ни слез, ни вражды,
Ни бескrestных могил, ни рабов,
Ни нужды беспросветной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорных столбов!
О, мой друг! Не мечта этот светлый приход,
Не пустая надежда одна:
Оглянись. – зло вокруг чересчур уж гнетет,
Ночь вокруг чересчур уж темна!
Мир устанет от мук, захлебнется в крови,

Утомится безумной борьбой —
И поднимет к любви, к беззаветной любви
Очи, полные скорбной мольбой!

Лева слушал это дивное пение, и из глаз его одна за другой капали слезы.

— Господи — думал он. — Неужели придет то время, когда наконец люди перестанут ссориться друг с другом, не будут огорчать, судить друг друга, сажать в тюрьму, убивать?.. О, когда же это будет и настанет Царство Твое и будет братство, любовь на земле?.. Неужели, неужели еще долгие годы насилие и злоба будут царствовать в сердцах людей? Впереди на земле кажется темно, и очень темно, ибо люди уходят от Бога, теряют все Божье... Лишь там, в глубине небес, царство мира и покоя. Но оттуда, из этих глубин, проникают эти чудные — лучи света, и вот поэтому здесь, в простой деревенской избе, эти озаренные солнцем правды люди, братья и сестры. Может быть, и даже наверное, они не так образованы, между ними могут быть и вовсе неграмотные, но они высоки в духовном, евангельском смысле, ибо, как однажды выразился один поэт, настоящее образование одно — по образу Божию. Между ними нет зависти — только Христова любовь. О, если бы каждый человек жил по Евангелию! Ведь на Земле, при современных ее богатствах и знаниях человека, кажется, был бы рай... Но почему, почему же люди, не могут, не злобствуя, по любви, мирно жить? И ответ на все эти вопро-

сы напрашивался один: Бог есть свет, любовь. Люди ушли от Бога, не слушают Его и попали во мрак, вот почему жизнь человека полна страданий.

Собрание кончилось. Каждый подходил и прощался с Левой, от души желал ему благословений. Большинство знало, что встретятся они с ним еще раз только на небесах. На дороге ему положили в сани большой мешок с провизией. Как ни отказывался от него Лева, ему сказали, что это от Господа и что, так как в тюрьме голодают, он сможет поделиться едой с другими.

Поехали дальше. На этот раз конвоир Леву не сопровождал. Он был приближающимся братом и поручил вознице, который был тоже приближающимся, сдать Леву в Тайшете в тюрьму.

– С собой я винтовку не возьму, – сказал брат-возчик, она мне не нужна.

– Конечно, не нужна, – подтвердил Лева. – Так что бери пакет с надписью «Совершенно секретно» и пошли...

И опять они поехали среди тайги, и над ними было голубое небо, и яркое солнце освещало сосны, покрытые местами снегом... Лева глубоко дышал полной грудью. Любовался открывающимися картинами и с грустью и горечью сознавал, что, увы, скоро, очень скоро, тюремные двери надолго сокроют от него красоту природы, а этот чистый свежий воздух сменится смрадом и вонью переполненных камер.

Дорогой беседовали. Возница рассказывал, что когда он

не знал о Христе, то был очень жестоким человеком: дети прятались от него, жена плакала, а вот теперь, когда стал посещать собрания, зло ушло из его сердца.

– Я еще не принятый ваш брат, – говорил возница, – но я уже понял: только жизнь по заветам Евангелия – настоящая жизнь. Курить тоже бросил, но, по правде, еще грешный человек. Вот спекулирую товарами сельскими, а ведь это не совсем честно.

– Господь силен сделать вас честным, – сказал Лева. – Только стремитесь.

– Буду, буду стремиться, – заверил юношу возчик. Когда прибыли в Тайшет, было далеко за полдень.

– Ты вот что, – сказал возчик. – Иди сейчас, гуляй, знакомься с городом, а я пойду тут своими делами заниматься. А потом придешь, и уж к ночи я тебя отведу.

Лева пошел гулять. Он походил по улицам, по базарам, прошелся по перрону железнодорожной станции, посмотрел, как уходят и приходят поезда. Юноша еще пользовался полной свободой, но его уже не покидало сознание, что впереди тюрьма и другой дороги нет. И как это ни странно, ему захотелось поскорее попасть в тюрьму. Он вернулся на квартиру, где остановился возчик. Они попили чаю, и Лева стал уговаривать своего провожатого, чтобы тот отвел его в тюрьму.

– Да ты что? Насидишься еще, иди гуляй, там не нагуляешься: прогулки дают на пять – десять минут.

Лева опять походил немного, но вскоре вернулся и решительно заявил, что гулять больше не хочет, а просит отвести его в тюрьму. Хозяева квартиры смеялись над юношей:

– Удивительный ты парень, арестант! Другой бы на твоём месте давно бы побег совершил – уехал бы куда угодно с этим самым пакетом, где твой паспорт и документы.

– Нет, он сделать этого не может, – сказал его сопровождающий. – Он готов идти на страдание ради Христа.

И они пошли на станцию, близ которой было помещение пересыльной тюрьмы. На платформе сопровождающий остановился:

– Вон брат идет, давай подойдем к нему! – Это был один из братьев, о котором Лева слышал, что он самоотверженно трудится для Христа. Они поприветствовались.

– О, брат дорогой, так ты в тюрьму! Вот тебе и на! – он с особой любовью и жалостью посмотрел на Леву. – Ты молодой и некрепкий, тяжела тебе будет тюрьма!

Потом он задумался и, обнимая Леву, сказал:

– Если бы, брат, сейчас, разрешили мне за тебя пойти в тюрьму, я бы с радостью. Ты бы остался на воле, а я бы сидел за тебя.

Лева слушал эти слова, полные любви и сострадания, и сердце его трепетало:

– Господи, в первый раз встретились – и такая любовь! Брат хочет душу свою положить за меня...

...А кругом по станции ходили люди, хмурые, озабочен-

ные. Каждый искал только своего, и никто не замечал, что, здесь, на этой станционной платформе, была истинная Божья любовь, Христово чувствование.

– Я думаю, дорогой брат, – сказал Лева, – что вам так или иначе придется тоже познакомиться с тюрьмой. Темнеет, и репрессии, возможно, увеличатся. Многих невинных людей еще лишат свободы. Раньше я, признаться, был наивным и думал, что если хлопотать перед правительством и лично перед товарищем Сталиным, то разберутся и освободят невинных. А теперь, наблюдая все, что творится, я прямо не знаю...

– Все зависит от Господа, – сказал брат. – Без Его воли и волос с головы не упадет. Он откроет дверь – и никто не закроет, закроет дверь – и никто не откроет.

Они еще некоторое время беседовали о деле Божьем. Брат рассказал о том, что во многих местах Сибири продолжают отбирать молитвенные дома и сажают все новых и новых верующих.

– Да, сказал Лева, – видимо, труд, на нивах Божьих пока закрывается, и, вероятно, я вовремя попадаю в тюрьму для того, чтобы быть более очищенным, приготовленным...

– И еще для того, – добавил брат – чтобы там прославить имя Господа...

Он проводил Леву до самых дверей станционной пересыльной тюрьмы. Здесь сопровождающий Леву передал пакет, и они расстались.

Открылась большая кованая дверь, и Лева вошел, неся свой мешок с провизией, в большую переполненную камеру. Людей в ней было так много, что буквально не было куда и ногой ступить. Сидели на нарах, лежали под нарами.

Глава 4. Есть ли Бог? Нужна ли Вера?

«Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедую имя его пред Огнем Моим и пред Ангелами Его».

Откр. 3:5

Лева посмотрел крутом: бледные, грязные лица, масса оборванных людей, много и крестьян, но они выглядывают из-под нар. Кто-то указал ему место около вонючей бочки-параши. Юноша, положив мешок, присел на край нар. Тут же его окружили плотной стеной интересующиеся. Задавали обычные вопросы: «Кто ты?», «За что попал?». Спокойным голосом Лева рассказывал о своей вере, что обвинений пока не предъявлено, а везут его в Красноярск. Рассказывая, он заметил сквозь головы окружающих его людей, что там у окна на нарах какое-то большое оживление: что-то делают, о чем-то спорят. Он оглянулся на свой мешок. Но мешка и след простыл. Лева сразу все понял. Но это его несколько не расстроило. От окна отделился какой-то немолодой человек (как потом Лева узнал, один из старых воров – «пахан»), подошел к Лева, задал ему несколько вопросов, и, внимательно посмотрев на юношу, вернулся к окну.

Спустя некоторое время Лева заметил, что его мешок находится рядом с ним, правда, почты совершенно пустой.

Начался тюремный вечер. Принесли чай. Каждый закусы-

вал тем, что имел. Лева открыл свой мешок, там осталось еще немного хлеба Он поделился им с соседями и стал пить чай. К Лева подошел крепко сложенный человек в кожаных штанах:

– Я слышал, что ты верующий. А я коммунист. Хочу узнать, как это ты, такой молодой, так рано набрался такого дурмана.

– Я вам это расскажу, – сказал Лева. – Но прежде скажите мне, пожалуйста, как это вы, коммунист, и вдруг попали в тюрьму?

– У меня получилась маленькая растрата на работе, – ответил собеседник, – вот я и попал сюда. Нанимаю защиту и думаю, что все скоро кончится, и неплохо.

– Ну, а я никаких растрат не совершал, – сказал Лева, – а вот с юных лет уверовал в истину Евангелия и стараюсь жить по нему.

– Ну, Евангелие... люди писали, и сплошная выдумка, – сказал безбожник.

– Это нужно проверить, правильно ли вы говорите, – сказал Лева. – Вот человек хочет пить: он видит колодец, в нем вода. Он даже не знает, когда и кем выкопан этот колодец, но он черпает воду, пробует ее, видит, чувствует, что она свежая, хорошая, пьет и утоляет жажду. Он здоров, он черпает из этого колодца, и для него вода эта – драгоценность, без которой жить не может. Так и Евангелие, это колодец, в нем живая вода учения Христа. Не касаясь вопроса, кто и когда

написал Евангелие, попробуйте черпать то, что в нем написано, примите это в свою жизнь и вы увидите, что это чудная, живая вода, она обновит вашу жизнь, спасет вас от смерти.

Окружающие прислушивались к их беседе. Неожиданно один из них предложил:

– Давайте устроим диспут! Это будет всем интересно.

Воры тоже присоединились к этой мысли. Было уже темно. Только вверху над дверью висела тусклая лампочка. Леву провели вперед – на нары перед окном. На нары опрокинули бочку, а которой носят кипяток, сна служила как бы столом. Перед этой бочкой сел фельдшер со станции Слюдянка, которого избрали председателем диспута. С одной стороны бочки встал Лева, с другой – человек в кожаных штанах.

– Диспут считаю открытым, – сказал председатель, постукав кулаком по дну бочки. – Тема диспута: «Есть ли Бог? Нужна ли вера?». От имени атеистов выступит товарищ Н. Наступила полная тишина. Человек в кожаных брюках, засунув руки в карманы (так он привык выступать на собраниях), громко начал свою речь, тщательно выговаривая каждое слово:

– Я Вот ступаю от имени атеистов. Мы в Бога не веруем. Живем без Бога и строим свою жизнь без всякого Евангелия. Товарищи! Откуда взялась эта вера? Откуда появился этот Бог? Я должен вам сказать, что все это придумали попы для того, чтобы дурманить людей и за счет грудящихся наживать. Они, паразиты, сами не работают, а только дай им

масла, яиц, круп, толстеют да пьянствуют. Бога никакого нет. Его никто не видел: Нужна ли вера? Она нам не нужна, она нужна всяким эксплуататорам, чтобы угнетать народ: здесь, мол, терпите, а там царство небесное, и все получите. Религия – это смрад, и мы должны бороться с ней, чтобы построить светлую жизнь.

Оратор вытащил кисет, насыпал в бумажку махорки и закурил. Лева закашлялся от дыма. Нужно сказать, что в камере курили почти все, и воздух был такой спертый, что трудно было дышать. Закурив, выступающий стал рассказывать смешные истории про попов, стараясь расположить заключенных в свою пользу. Но вокруг сидели и лежали измученные, угнетенные люди. Из них редко кто смеялся над его анекдотами.

Когда он кончил, председатель диспута объявил:

– От имени верующих будет выступать новичок – Лева Смирнский. Лева собрал все силы своего голоса и звонко начал:

– Вопрос стоит: «Есть ли Бог?» Я вам должен сказать, что Бога нет. – Он остановился, все замерли. – Бога нет в сердцах людей, которые не ищут Его, которые забыли о Нем. Кто такой Бог? Библия открывает нам, что Он – Творец всего существующего. Он Небесный Отец, полный любви, милосердия, сострадания к любому преступнику, злему человеку. В Евангелии говорится, что Бог есть любовь. Но посмотрите, вот среди нас здесь есть ли любовь, есть ли мир, со-

страдание, – все, что дает Бог, доброе. Мы озлоблены, вы все страшно материтесь, я никогда в жизни не слышал такой матерщины, какую услышал здесь. В сердцах ваших нет любви, и все это потому, что вы ушли от Бога, не знаете Господа.

Далее. Стоит вопрос: «Нужна ли вера?» Здесь у нас в камере, нет Божьей веры, и мы друг другу чужие люди, мы готовы взять друг у друга то, что не принадлежит нам. Нужна ли вера? Я расскажу вам, что делает Божья вера с людьми, они становятся братьями и сестрами. Вот если бы с вами здесь все были по-настоящему верующими, то мы были бы родными братьями, жалели бы друг друга, здесь не было бы слышно этой брани, ругани, здесь никто бы не обижал ближнего, а вместо этого мы бы вместе молились, тихо пели и в Боге были бы счастливы даже в этой ужасной камере...

Председатель уже несколько раз толкал Леву в бок. Наконец, он привстал и тихо сказал Лева на ухо:

– Тебе какую статью дали?

– Мне никакой статьи не дали, – тихо ответил Лева.

– Ну и брось ты тогда так говорить, а то тебе живо пятьдесят восьмую статью пропишут – антисоветскую агитацию...

И тут же он громко объявил:

– Диспут считаю законченным. Вопросов никаких не может быть. Вопрос ясен.

Позже он в частной беседе с Левой сказал, что если защищать Бога и настаивать на том, что вера нужна в жизни человека, – это значит определенно заработать срок.

Пришло время сна. Где же спать? Господи, Ты знаешь, что мне нужен отдых, – произнес про себя Лева. И кто-то позвал его из-под нар:

– Эй, парень, иди сюда, мы потеснимся, уляжемся. Лева полез под нары, где лежали бородастые крестьяне.

– Хорошо ты говорил про Бога, – сказал один из них. – В самом деле: если бы все мы, люди, жили по Божьи, разве так было?

Под нарами было страшно холодно. Лева нахлобучил глубже шапку, как можно плотнее завернулся в пальто и закрыл им полностью лицо, так что теплый воздух дыхания оставался под пальто. Без тревожных мыслей, без какого-либо беспокойства он быстро уснул.

Когда он утром проснулся, то заметил, что в том месте, где его шапка соприкасалась с пальто и была щель для воздуха, сквозь которую воздух проходил при выдохе, на пальто образовался иней.

Утром принесли хлеб. Дележ хлеба был своего рода действием в жизни арестантов. Для его осуществления выделялся наиболее опытный и ответственный человек. Ему на то время охрана вручала нож, и он делил пайки, взвешивая их на самодельных весах из палки и привязанных к ней картонок. Хлеб был ржаной, сырой, клейкий. Каждая пайка тщательно проверялась. Потом начиналась раздача хлеба. Каждый желал получить горбушку. Все глаза были устремлены на хлеб. Делящий брал хлебную пайку и, пряча ее, спраши-

вал:

– Кому?

– Мне, – говорил кто-нибудь из арестантов. Ему живо передавали пайку, и он уже не мог обижаться, досталась ему горбушка или нет.

Лева не спешил принять участие в дележе, и когда ему досталась последняя пайка, он был доволен тем, что остальные получили хлеб прежде него.

В полдень принесли баланду. Это был жидкий суп, состоящий из слегка замутненной воды и двух-трех маленьких картофелин. Никто, конечно, и не помышлял утолить чувство голода этим супом.

Не прошло и часа после обеда, как двери камеры открылись и в нее вошли два одетых в тулупы пожилых крестьянина. Каждый из них на спине нес мешок.

– А, кулаки, кулаки, – раздались голоса.

Тут же, как только двери камеры захлопнулись, пахан встал у окна и зычно крикнул:

– Раскулачивать, раскулачивать!

У крестьян отобрали мешки и потянули их к окну, где восседало большинство воров, а с ними человек в кожаных штанах. В них был не только хлеб, не только сухари, но и бочонок с медом. Воры и их друзья пировали, как говорится, на славу. Пахан поманил Леву рукой: «Иди, поешь с нами». Но Лева отрицательно покачал головой.

– Ешь, если предлагают, – сказал сосед Левы, – а то захи-

леешь...

Лева ничего не ответил.

После того, как пир закончился и от крестьянских мешков ничего не осталось, к Лева подошел человек в черных штанах. Он сытно поел и имел самый добродушный, улыбающийся вид.

– Я за тебя слово жуликам замолвил, – сказал он Лева. – Чего ты не кушал с нами?

– Я не могу есть это, – сказал Лева.

– Тут ничего особенного нет, это просто раскулачивание...

– А вы со спокойной совестью едите вместе с ворами? – спросил Лева, смотря ему в глаза.

Тот несколько смутился, потом похлопал Леву по плечу и сказал:

– Эх, парень, ничего ты не понимаешь! Совесть – это такое слово, которое давно надо вычеркнуть из жизни, а заодно и из всех словарей. – Так ты не проживешь. Скажу тебе истину, которой сам придерживаюсь, запомни: с волками жить – по-волчьи выть!

– Нет, я так не могу, – возразил Лева. – Буду среди волков, но не буду волком.

– А кем же будешь?

– Лучше быть овцой Иисуса, – улыбнулся Лева. Безбожник рассмеялся:

– Ну, и съедят тебя, как овечку...

Однако эти искушения Лева побеждал легко. С ним был Господь, и он не допускал даже мысли, чтобы есть ворованное, а тем более награбленное.

Глава 5. По дороге испытаний

«...Другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.